

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 1-го июля 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9123.

Открытие памятника В. Н. Каразину. (Снятие покрывала).

(По фотографії Анатолія Вернера).

Лунный светъ.

(Изъ записной книжки).

Онъ умеръ.

Кто былъ онъ, чѣмъ онъ занимался—пустые вопросы.—не безразлично ли это теперь?

Когда-то въ одной изъ съверныхъ гимназий мы съ нимъ считались друзьями, но я почти не зналъ его.

И я былъ увѣренъ, что никто не зналъ его при жизни.

Я самъ впослѣдствіи считалъ его край-
не несимпатичнымъ, озлобленнымъ че-
ловѣкомъ, закоренѣлымъ мизантропомъ.

Онъ умеръ въ ужасной нищетѣ, быть можетъ, даже отъ голода, и никто не пришель съ нимъ проститься, ни одинъ близкій человѣкъ не провожалъ его до мѣста послѣдняго успокоенія.

Только я, случайно узнавъ о его смерти, зашелъ къ нему, движимый болѣе какимъ-то непонятнымъ любопытствомъ, чѣмъ желаніемъ отдать послѣдній долгъ бывшему другу.

Какая-то старуха, сморщенная, какъ печеное яблоко, одна изъ тѣхъ старухъ, безъ которыхъ не обходятся почти ни однѣ похороны, встрѣтила меня и, узнавъ, что я желаю взглянуть на покойника, съ готовностью провела меня въ слѣдующую комнату.

Спертый сырой воздухъ пахнулъ мнѣ въ лицо.

Все кругомъ было въ страшномъ запустѣніи—поль гнулся подъ ногами,

слышался запах гниющего дерева, сбои ключьями висели по стънамъ, и, просачиваясь гдѣ-то въ углу, журчала вода.

Гробъ стоялъ посрединѣ, и полная луна, свѣтившая въ незавѣшенное окно, борясь со слабымъ свѣтомъ тоненійкой восковой свѣчи, набрасывала непрѣятный, почти зловѣщій синеватый оттѣнокъ на желтое, худое лицо, приподнятое на подушкѣ.

Старуха отошла въ сторону, бормоча что-то про себя.

цѣльнымъ любопытствомъ взглядываясь въ заострившееся лицо мертваго.

Уходить сейчас же мнѣ было какъ-то совсѣмъ передъ старухой, и, замѣтивъ на столѣ у окна маленькую записную книжку, я взялъ ее и стала просматривать.
Фамилия покойнаго стояла на оберткѣ

Лихорадочно дрожавшою рукою, неровно и неразборчиво, тамъ было набросано карандашомъ спѣшаще:

(Первая страница была наполовину вырвана, и я не могъ нигдѣ ее найти)

Это уже не та сѣрая, сумеречная, про-
заическая, какъ самъ день, ночь моей сѣ-
верной родины, съ ея блѣдными, робко

мерцающими звездами и печальной туманной луною; это не та льтняя ночь, когда неудержимо хочется шумных друзей, громкаго смеха и беспечнаго веселья, — это глубоко-вдумчивая, полная таинственного очарованія и непонятной нѣги, захватывающая и ласкающая южная ночь.

Я стоял на горе, прислонившись къ стволу вѣкового раскидистаго дуба, словно зачарованный неизъяснимой прелестью окружающей меня природы.

Могучие тополи вились прямо передо мною, точно высокия башни сказочного замка, и отчетливо вырисовывались их стройные силуэты на фоне звездного неба, все облитые бледными лучами луны и вместе темные,—темные и загадочно неподвижные.

Далеко внизу, кое-гдѣ прорываясь между деревьями, широкая рѣка сверкала, точно расплавленное серебро.

Темные кущи деревьев стояли неподвижно, и ни один лист не дрожалъ въ серебристыхъ лучахъ луны; неподвижная застыла река, и изъ ея густыхъ камышей не доносилось сюда ни малѣйшаго шороха; только однообразное и тихое стрекотанье настѣкомыхъ одно наполняло безмолвіе ночи, какъ бы еще усиливая впечатлѣніе ея чудной тишины.

И мягкие лучи струились съ высоты, все облекая въ дымку голубоватаго сиянія и бросая черныя, отчетливыя тѣни...

Старый садъ окружаль меня.
Онъ кончался у моихъ ногъ высокимъ обрывомъ, и топстые корни деревьевъ переплелись на краю, точно чудовищныя

Перед открытием памятника В. Н. Каразину.

(По фотографии А. М. Иваницкого).

змѣи, сжимая другъ-друга въ послѣднемъ обѣятіи.

Воздухъ былъ напоенъ сладкимъ ароматомъ жасмина и нѣжной кипрори; онъ опьянялъ, возбуждалъ нервы, вызывая страстное томление...

Я чувствовалъ, что безконечное умленіе наполняетъ все мое существо, чувствовалъ, что весь я какъ-будто сливаюсь съ дивной красотой и гармонией природы въ неудержимомъ стремлении къ прекрасному...

О, неужели то было неестественное чувство, разыгравшееся воображеніе нерваго, бол资料的 человека!..

Неужели?..

Одуряюшій ароматъ цвѣтовъ кружилъ мнѣ голову.

Шатаясь, какъ пьяный, я подошелъ къ кусту жасмина, утопавшему въ бѣлыхъ цвѣтахъ, и сорвалъ вѣтку...

Я приникъ къ ней лицомъ и жадно вдыхалъ этотъ, давно мнѣ знакомый, запахъ.

Я страстно цѣловалъ нѣжные, бѣлы лепестки, и все ярче, рельефнѣй и неотразимѣй вставали передъ моимъ воображеніемъ давно минувшіе образы и картины.

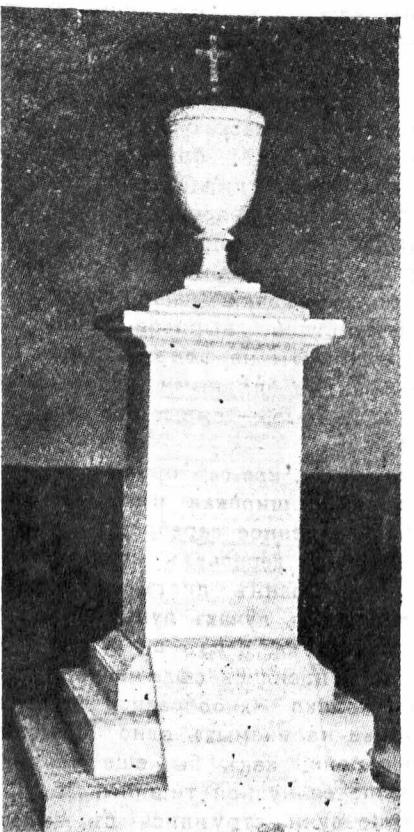
Да, это была старая история... .

Зачѣмъ мнѣ говорить о ней—любовь опошлена и безобразна жизнью, и мнѣ самому теперь смѣшно бывать видѣть влюбленныхъ, смѣшно и чуждо... и непонятно.

Но тогда, тогда...

Тогда я тоже былъ счастливымъ безумцемъ.

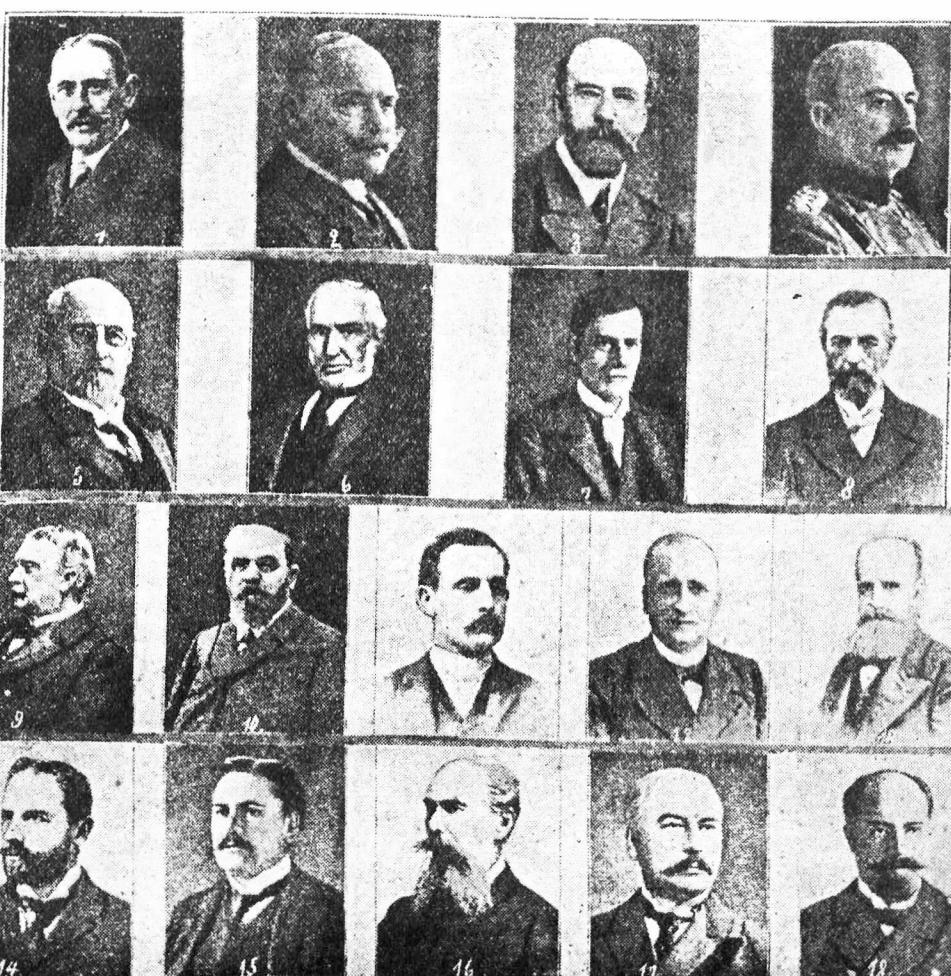
Тогда я вѣрилъ въ жизнь, счастье и людей.

Надгробный памятникъ В. Н. Каразину въ Николаевѣ.

БЫЛО ВЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКѢ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

... О, тѣ минуты, тѣ скажочный сонъ и дивныхъ грезы...

Почему нѣтъ у меня теперь той горячей вѣры, блестящихъ на деждѣ, почему покинули меня тѣ мечты, прекрасныя мечты!..

Все ушло въ вѣчность, не возвратится болѣе никогда, никогда!..

... Остались одни воспоминанія—сни-то, по крайней мѣре, умрутъ только вмѣстѣ со мною!—и въ нихъ я снова переживаю прошедшее...

... Я всѣмъ чужой и лишній. 1)

Кому я нуженъ, съ кѣмъ могъ бы подѣлиться я своими мыслями, кто выслушаетъ и пойметъ меня?..

Я ушелъ теперь отъ всѣхъ одиноко и угрюмо доканчивать свой вѣкъ...

Но эта прекрасная, мечтательная ночь, этотъ старый, такъ знакомый мнѣ садъ, ароматъ цвѣтовъ, тѣхъ цвѣтовъ...

Жгучее сознаніе не-возвратимости прошлого и своего страшнаго одиночества охватило меня.

Зачѣмъ еще жить? зачѣмъ?

Я опустился безсильно на траву и, помню, долго беззвучно рыдалъ, прижимая къ лицу душистые цвѣты.

Да, я рыдалъ... Я пла-кала, какъ плачетъ ребенокъ, заблудившійся отъ своей матери,—онъ долго шелъ въ сторону, все дальше и дальше отъ той, кого онъ считалъ естественнымъ олицетворенiemъ всей окружающей жизни, кто былъ ему въ жизни всѣмъ дорогимъ и надежнымъ, и вдругъ, въ испугѣ, замѣчаетъ ея отсутствіе, бѣжитъ назадъ по незнакомой дорогѣ, пробуетъ ис-кать—и не находить, и, наконецъ, обезсиленный, останавливается посрединѣ дороги и горько—горько пла-четъ, вспоминая теперь болѣе ярко и неотра-зимо всю нѣжность, любовь и заботы той, которую онъ такъ необдуманно оставилъ; не думая и не смѣя думать о томъ, что нужно теперь предпринять...

Замокъ Бинненгофъ въ Гаагѣ, где происходитъ засѣданія конференціи.

Когда я, наконецъ, поднялся,роняя на землю смятые бѣлые лепестки, то мнѣ казалось, что съ ними я оставляю все мнѣ когда-то близкое и дорогое..

Вѣчно прекрасная природа окружала меня все въ томъ же безмолвіи: все такъ же высился передо мною могучіе тополи, всѣ облитые серебристымъ свѣтомъ луны, и черное бездонное небо глядѣло на меня мирѣадами яркихъ звѣздъ.

Но мнѣ казалось теперь—все живеть вокругъ чуждою и непонятною жизнью...

Больше ничего не было въ записной книжкѣ.

Я не недоумѣваль и не удивлялся, я былъ смущенъ.

Совѣсть моя была спокойна, но я чувствовалъ на душѣ како-то непрѣятный осадокъ; —такое чувство бываетъ, вѣроятно, у присяжныхъ, когда они узнаютъ о судебной ошибкѣ, хотя бы про-исшедшой и безъ ихъ участія.

Мнѣ казалось только одно непонятнѣе:—для кого и къ чему онъ писалъ это?

Мучило ли его же-ланіе высказаться передъ кѣмъ нибудь, хотя бы передъ самимъ со-бой, или то было лишь бредъ его болѣйной фан-тазії?..

Я взглянуль опять на умершаго.

Лунный свѣтъ па-далъ уже по косому направлению, освѣща-нижнюю часть его ли-ца; на глазахъ и на лбу прыгали тѣни отъ мерцающей свѣчки, и мнѣ показалось вдругъ, что лицо его странно оживилось.

Вѣки слегка дрогну-ли и приподнялись, углы рта опустились внизъ, и на лицѣ по-явилась недоумѣвающа-я и неловкая ус-мѣшка...

Не смѣя отвести своихъ расшигившихся глазъ, я стоялъ передъ нимъ, сжимая холо-дѣющимъ пальцами ко-жаный переплетъ запи-сной книжкѣ, и чув-ствовалъ, что волосы зашевелились у меня на головѣ.

Облако набѣжало на луну.

Я вскрикнулъ и бро-сился вонъ изъ ком-наты.

Записную книжку я до сихъ поръ еще храни-ю у себя, и всякий разъ, при взгляде на эту бѣдную, оборван-ную и запятнанную пе-реплѣть, я вспоминаю ту чудную лунную но-чь, которой я не ви-далъ, и холодный трупъ, залитый голубо-ватымъ сияніемъ, съ не-доумѣвающей ус-мѣш-кой на лицѣ.

Леонидъ Фидлеръ.

Горы на лунѣ.

Во время чтенія въ Лондонѣ, въ королевскомъ географическомъ Обществѣ, о горномъ хребтѣ Ruwen zori, герцогъ Абруцій демонстрировалъ фотографію пиковъ королевы Александры (16750 фут.) и королевы Маргариты (16816 ф.).